

ДЕТИ
ВОЙНЫ

Сергей ТРАХИМЁНОК

ПО СЛЕДАМ ТАМАНЦЕВА

Дети войны

Сергей Трахимёнок
По следам Таманцева

«Четыре четверти»

2022

Трахимёнок С. А.

По следам Таманцева / С. А. Трахимёнок — «Четыре четверти»,
2022 — (Дети войны)

ISBN 978-985-581-359-1

Герои этой книги – контрразведчики, проводившие операции на территории тогдашней Белоруссии, партизаны и подпольщики. Повесть не относится к детективному жанру, в рамках которого автор работал в последние годы, однако непредсказуемость сюжетных линий, знание материала, на котором строится повествование, те обстоятельства, где герои все время находятся на грани жизни и смерти, делают ее интересной и захватывающей. Автор верен себе в описании исторических событий и еще раз доказывает, что величие подвига народа не в сокрытии просчетов руководства страны и командования, не в количестве пьедесталов, а в правдивом описании трагедии, которая не смогла этот народ сломить.

ISBN 978-985-581-359-1

© Трахимёнок С. А., 2022

© Четыре четверти, 2022

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Трахимёнок

По следам Таманцева

Повесть

© Трахимёнок С., 2022

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2022

Часть первая

Запад – Восток

– Ваши документы, – сказал сержант-крепыш, наметанным глазом выделив меня из толпы пассажиров.

Невольно подумалось: «Да, не очень ласково встречает гостей Москва». Хотя я сам виноват. Сознывая, что предстоит долгая дорога, а в ней и иголка тяжела, я взял с собой небольшую сумку, куда сунул смену белья, бритвенный прибор и диктофон. Оделся по-походному: джинсы, на ногах кроссовки, на голове панамы защитного цвета, а пространство между джинсами и панамой сокрыто футболкой-полурукавкой камуфляжной раскраски и серым жилетом.

И хотя во мне трудно признать «лицо кавказской национальности», – документы проверяли уже дважды. Первый раз – на Белорусском вокзале. Второй – у авиакасса, куда я приехал, чтобы купить билет на самолет до Новосибирска. Но если на вокзале патруль сначала представился, а уж потом попросил предъявить паспорт, то оковоздушная милиция была более бесцеремонна.

Сержант повертел паспорт в руках и пошел прочь, но вдруг, будто вспомнив о чем-то, вернулся, сунул мне его в руки и, не говоря ни слова, направился далее, оценивая потенциальных пассажиров взглядом высшего судии.

Билет до Новосибирска я взял свободно. Затем поехал к другу и коллеге, который, в отличие от меня, еще служил. Сделал я это не только потому, что понимал, если буду болтаться по Москве в таком одеянии, то проверят еще несколько раз. Процедура не представляла для меня опасности, но почему-то не хотелось подвергаться ей еще раз.

Добравшись до Ясенева, попал в район, где на меня смотрели не так подозрительно, и это вселяло надежду на более спокойное пребывание в столице.

Весь день пробыл у своего друга и коллеги. Мы о многом переговорили, вспоминая однокашников и преподавателей. И, конечно, я пожаловался ему на негостеприимность московской милиции. На что бывший коллега сказал:

– Зачем вырядился так, война идет...

Что я мог возразить?

– Ладно, – сказал я, – война так война. Проводи вечером до самолета, не хочу, чтобы меня неожиданно поместили в какой-нибудь ИВС на тридцать суток по подозрению в терроризме.

– И правильно сделают, – проворчал друг голосом первого Президента России, – приехал из другого государства и создаешь, понимаешь, проблемы правоохранительным органам столицы России.

Но, увидев выражение моего лица, немного смягчился:

– Провожу, непременно провожу. Да, что это мы все о прошлом, да о прошлом. Расскажи, как там у вас в Белоруссии?

* * *

Вечером мы были на аэровокзале.

– Ты на каком самолете летишь? – спросил друг.

– Аэробус, – ответил я.

– Хороший самолет, – сказал он и, немного помедлив, добавил, – комфортный.

– На других не летаем, – ответил я, хотя взял билет на этот рейс только потому, что в самолете было много свободных мест.

Объявили начало регистрации.

- Ты почему с такой легкомысленной сумкой? – спросил он.
- Чем она тебе не нравится?
- Замков нет, а вдруг, кто-нибудь туда заглянет.
- Типун тебе на язык, у меня там диктофон и батарейки.
- Хочешь кого-нибудь записать?
- Да, одного очень интересного человека. Ты Богомолова читал?
- Читал, конечно.
- Так я лечу работать с одним из его прототипов.
- Ясно.
- Я тебя попрошу связаться с коллегами в Минске и уточнить информацию по некоему Коловратову. По непроверенным данным – он разжалованный майор «СМЕРШа».
- А чем провинился этот Коловратов, что его разжаловали, «по непроверенным данным»? И чем он тебе интересен?
- До этого он, предположительно, участвовал в операциях «СМЕРШа» на территории современной Беларуси.
- А на Востоке почему осел?
- Спроси что-нибудь полегче. Впрочем, я тебе смогу все объяснить по возвращении. Разумеется, если тебе это будет интересно.
- А почему мне может быть неинтересно?
- Потому, что одно дело детективы читать, а другое – реально расследовать жизненные ситуации. Они, чаще всего, не столь стремительны и не так увлекательны...

* * *

Всего через три с небольшим часа Ил-86 доставил меня из столицы России в Толмачево – аэропорт неофициальной столицы Сибири, и я почувствовал себя покорителем больших пространств и похитителем времени. Все произошло как нельзя лучше, в полете я не спал, но перед посадкой все-таки задремал. Разбудили аплодисменты пассажиров. Я выглянул в окно. Самолет бежал по взлетно-посадочной полосе, а на фасаде одного из зданий красовалась надпись «Новосибирск».

Получив багаж, я взял такси и приехал на улицу Сибирскую, 17.

– Привет, дядь Сереж, – сказала мне повзрослевшая за прошедшие годы нынешняя хозяйка квартиры Соня Самохина. – Тюфячок вас ждет. Можете спать хоть до обеда. Если будете уезжать, ключ отдайте соседке слева. Мы с девяти на работе. Помните соседку слева?

– Помню.

– Да, кстати, как там в Белоруссии?

Деловой стиль общения современной молодежи.

– Потом расскажу, – сказал я и пошел в комнату, где меня ждал расстеленный на полу матрасик, который почему-то назывался тюфячком.

Я на него улегся и поскольку ночь у меня, считай, пропала – такова парадоксальность полетов на Восток – вскоре уснул. Когда проснулся, часы показывали половину первого.

Хозяев не было, на столе в кухне лежала записка лаконичного содержания: «Хлеб в хлебнице, чай в буфете, все остальное в холодильнике».

Я принял душ, побрился, выпил чаю, а потом стал бродить по квартире.

В ней многое изменилось с тех пор, как я здесь бывал. неизменными, пожалуй, остались лишь полки с книгами, да картины сибирских художников, когда-то подаренные ее хозяину Николаю Самохину, известному российскому писателю-беллетристу и сатирику, трагически ушедшему из жизни в восемьдесят девятом году.

Двадцать лет назад я познакомился с ним случайно, хотя, наверное, это не совсем точно, поскольку начинающих литераторов всегда рано или поздно прибывает к мастерам пера, как начинающих правонарушителей к уголовным авторитетам.

Наша дружба не была завязана на литературных интересах, точнее, я видел в нем писателя, а он во мне лишь человека редкой профессии, о которой в писательской среде, благодаря излишнему вниманию прессы, сложилось какое-то странное представление (его можно назвать инфантильно-извращенным).

Я подошел к книжной полке и увидел томик Самохина «Где-то в городе на окраине», поймав себя на мысли что детство моего героя, прототипа богомоловского Таманцева, тоже прошло в Сталинске, на тех же окраинных улочках, но на двенадцать лет раньше.

Я позвонил на киностудию. Приятный женский голос ответил, что директор задерживается, но к обеду обязательно будет.

– Распрекрасно, – произнес я вслух, – к обеду и я доберусь до киностудии.

Без четверти два я был на киностудии. Директор появился с шестым радиосигналом, извещающим о конце обеденного перерыва.

Перед выездом из Минска я позвонил ему и в двух словах изложил цель поездки. Поэтому директор, как человек деловой, начал с главного:

– Ты привез заявку?

– Нет, – ответил я, – до заявки еще далеко.

– Полагаешь, что этот человек мог умереть?

– Все возможно.

– Но это не беда для кинематографа, тем более документального, есть материалы, свидетели...

– Так-то оно так, но...

– Напрасно сомневаешься. Москва уже требует заявок и сценариев к будущему юбилею Победы. Пока заявим, пока они утвердят...

– Съезжу, посмотрю, а на обратном пути все детально обсудим. Заявку ведь недолго написать.

– Как знаешь, – сказал директор. – Ты не обедал?

– Я недавно завтракал.

– Это не важно, пойдем, у меня есть бутерброды и кофе.

– Я пью чай.

– Найдем и чай. Для гостей можно чего-нибудь и покрепче, а мне нельзя, я на работе.

Перебрасываясь подобными фразами, мы прошли в комнату за кабинетом, директор открыл холодильник и стал доставать ингредиенты к бутербродам, с некоей мужской эстетикой разложил их на столике на салфетках, затем заварил чай и произнес:

– Ну, как там у вас в Белоруссии?

* * *

Утром следующего дня я проснулся, когда хозяева квартиры уже ушли на работу. Побрился, выпил чаю и стал собираться в дорогу. Прежде всего, вернул в сумку бритвенные принадлежности. Попутно решил навести в ней порядок и ужаснулся. Еще в Толмачево я почувствовал, что сумка стала немного легче, но не придал этому значения. Теперь понял, что в ней отсутствует диктофон.

Понимая, что нельзя вернуть то, что безвозвратно ушло в прошлое, я быстро собрался, черкнул записку Соне о том, что на обратном пути непременно заеду и побуду чуть дольше, отдал ключ соседке и пошел к кассам аэрофлота.

Входя в здание, вспомнил как легко и быстро взял вчера билет в Москве. Здесь все должно быть также комфортно, подумал я, видя, что людей почти нет. Но меня ждало разочарование. Компьютер в кассе «Сибирских авиалиний» предлагал девять билетов от Красноярска до Благовещенска, а до Красноярска – ни одного.

– Чему вы удивляетесь, – сказала кассир. – Нестыковка частных компаний. До Красноярска летает маленький самолетик, а от Красноярска – большой... Да и вообще, летом с билетами везде проблема.

– Ничего подобного, – возразил я, – вчера в Москве свободно можно было взять билет...

– Наверное на Ил-86-й, – перебила меня кассир.

– Да, – согласился я, – именно на Ил-86-й.

– Все ясно. Третьего дня такой же самолет разбился под Москвой, вот пассажиры билеты и сдали.

Мне стали понятны бурные аплодисменты, прозвучавшие в салоне аэробуса, когда мы приземлились в Толмачево.

Через полчаса я уже был на железнодорожном вокзале.

Но и там я потерпел фиаско:

– Мест нет.

– И что же мне делать?

– Записывайтесь на проходящие, – посоветовала кассир, – и подходите время от времени к окошку.

Делать нечего, я стал исправно курсировать от своего места к кассе и обратно. Когда-то я часто бывал здесь, но то был старый вокзал. От него остались только стены. Новый же хорошо и в современном стиле отремонтирован и разделен на две половины. В первую – вход платный или по билетам. Во вторую и к кассам можно подойти свободно, но уровень комфортности, чистоты и отношение к пассажирам здесь совсем иные. Впору вешать на стенах таблички: «Для черных».

Визиты к кассе я совершал из привилегированной половины, из зала «Для белых», но все равно безуспешно. Ближе к вечеру хотел уже возвращаться на квартиру, но случилось чудо, кто-то сдал билет до Благовещенска, поэтому в середине ночи я попал в вагон поезда Москва – Благовещенск. В купе, на которое указал мне проводник, спали три закутанные в одеяло фигуры, определить их пол и статус, как говорили мои коллеги следователи, не представлялось возможным. Я забрался на верхнюю полку и попытался заснуть, дав себе обещание утром привести в порядок мысли и тщательно спланировать то, для чего поехал на Дальний Восток за семь тысяч километров от Беларуси.

Коловратов

Лесок, в котором притаилась группа, только-только стал покрываться листвой, и надежно спрятаться в нем было еще трудно. Однако за сутки в сторону леса ни со стороны города, ни от проселочной дороги не прошел ни один человек, и «опасность демаскировки могла возникнуть только теоретически». Так заумно мог оценить ситуацию только нынешний командир группы.

– Теоретически, – произносит шепотом Коловратов, – теоретически...

Слово не вызывает у него никаких ассоциаций. «Умные все больно», – думает Коловратов, которому иногда кажется, что его товарищи специально употребляют мудреные слова, чтобы подчеркнуть разницу между собой и им.

Коловратову хочется курить, но командир группы проверил лично, чтобы никто из бойцов не брал с собой ни махорки, ни трофейных сигарет.

Командир любит порядок, его фамилия Граббе. Впрочем, это, скорее всего, не настоящая фамилия, а псевдоним. Наверное, он получил его потому, что в совершенстве владеет немецким: говорит без акцента и документы читает, как на родном.

Наступила ночь. Граббе выставил двух дозорных. Это означало, что все остальные могут немного покемарить. Правда, сон в тылу врага – это даже не сон вполглаза и вполуха. Вроде и спишь, но все слышишь. Наверное, подсознание, опять же выражение Граббе, не позволяет отключиться полностью, чтобы, упаси Бог, не «уснуть навсегда».

Спустя час началось какое-то движение, затем приглушенные голоса, чья-то рука толкает его. Это Трошин, впрочем, Трошин ли он на самом деле, Коловратов тоже не знает, возможно, и это выдуманная фамилия. Группа комплектовалась из кадровых «смершевцев» и прикомандированных военных, которые по каким-то причинам попали в поле зрения контрразведки и были привлечены для проведения операций.

– Пришел, – говорит Трошин, и идет дальше, где спит еще один боец.

Командир о чем-то перешептывается с мужчиной в бесформенном брезентовом плаще. Это и есть тот, кого группа ждала последние сутки – агент из местных жителей.

Коловратов не слышит, о чем говорит с ним командир, но догадывается, какое тот примет решение. На базе они неоднократно отрабатывали комбинацию, которую сегодня надо осуществить. Правда, к тренировкам большинство бойцов относилось с прохладцей. В группе почти все в действующей армии чуть ли не с первых дней войны, и играть в войнушку понарошку «западло». Даже аргументы Граббе, что это может когда-нибудь спасти им жизнь, не принимаются во внимание.

Тактика нападения проста, как березовые чурки, которыми когда-то молодой Коловратов топил печку в доме матери в Сталинске. Несколько бойцов группы затевают кутерьму возле какого-нибудь охраняемого объекта, отвлекая силы гарнизона, а основная часть решает главную задачу. Так, скорее всего, будет и на этот раз.

Продвигаясь по маленькому аккуратенькому городку, они достигли комендатуры. Командир глянул на часы. До условленного времени надо было немного пождать. Коловратов мельком увидел лицо местного. Он был бледнее смерти. Его можно понять: человек сейчас между двух огней. Не успел вовремя уйти – тебя и твоих родственников ликвидируют немцы. Пройдет неудачно операция – попадешь под подозрение у своих.

«Твою мать, как тяжело переносится эта неопределенность», – думает Коловратов. К тому же невыносимо хочется курить. Прав Граббе, нужно бросать это занятие совсем, а не только на время операций.

Где-то на окраине раздается взрыв гранаты, ему вторят автоматные очереди.

– Уже веселее...

Сейчас сработает знаменитый немецкий порядок. Часть комендантского взвода помчится на место взрывов, посты удвоят, но это и нужно нападающим. По уставу немецкой армии у часового те же обязанности, что и у нашего – он должен не только охранять, но и оборонять пост. И если они не будут убиты в первые секунды, то потом не дадут поднять головы, часть группы будет вести непрерывный огонь, пока другая не проникнет в комендатуру.

Группу не интересуют языки, это не операция армейской разведки. Задача у нее иная – документы. Под них каждый боец имеет свободный вещмешок.

Вот немцы усилили стрельбу и тем самым обнаружили посты. Вот тревожная группа на мотоциклах рванула на окраину города, где завязался бой. Значит, теперь пора и нам.

– Начали, – шепотом произносит командир, и огонь восьми автоматов разрывает ночную тишину. Пятеро бойцов должны прикрыть трех штурмовиков, которых ждет комендатура. Коловратов один из трех. Он впадает в то, почти нереальное, состояние, которое всегда возникает у него в бою. Граната в окна. Очередь впереди себя, и он уже в коридоре, но коридор почему-то пуст. Мелькает мысль: «А не ловушка ли это?» Но все становится на свои места,

когда Коловратов видит дежурного офицера, который почему-то без оружия. Коловратов нажимает на спусковой крючок, поворачивается направо и выбивает ногой дверь, краем глаза видя, что напарник делает то же самое с левой дверью. Его охватывает состояние жуткой радости, а мозг автоматически фиксирует происходящее вокруг.

На стуле в комнате – девочка-подросток с черным от многодневных побоев лицом. Рядом две мужские фигуры. Одна в штатском, другая – в военной форме. Военный хватается за кобуру, но его пистолет лежит на столе. Две короткие очереди. Затем Коловратов, оглядываясь на дверь, сгребает бумаги со стола, достает документы из открытого сейфа.

За всем этим следят испуганные детские глаза. Надо же, она еще может пугаться!

– Сё – знаю, сё знаю, – вдруг произносят распухшие губы девочки...

– Свои, – раздаётся голос Трошина, который появляется в проеме двери, затягивая горловину вещмешка.

– Все знает, – Коловратов кивает на девочку.

– Она говорит, что связная, – произносит Трошин, – пошли.

– Сё знаю, – слышит за спиной Коловратов и бьется головой в дверной косяк. Когда-то его за рост, грозную внешность и виртуозное умение стрелять взял к себе в группу Граббе.

Коловратов разворачивается, берет одной рукой девочку, и, держа автомат в другой, направляется к выходу. Его прикрывает огнем группа поддержки. То, на что решился Коловратов, конечно же, нарушение всех гласных и негласных правил рейда за линией фронта. Однако никто не говорит ему об этом, не требует оставить девочку. Штурмовая тройка отходит первой. Остальные, меняясь и отстреливаясь, следуют за ней.

Уже на выходе из города в отдалении заметили группу людей. Это могли быть только немцы, но они сознательно «не видят» продвигающиеся к окраине тени: лето сорок четвертого – всем хочется выжить.

Вскоре к штурмовикам присоединяется первая часть группы.

– Потери? – спрашивает Граббе.

– Макаров, – отвечает кто-то.

– Отпусти ее, – говорит Граббе Коловратову, – пусть уходит.

Но ему, да и всем остальным, понятно, что девочка в таком состоянии не сможет уйти.

– Оставим партизанам, – хрипло возражает Коловратов.

– Хорошо, – соглашается Граббе, – вперед...

Группа идет вместе с девочкой, но все прекрасно понимают, что если ситуация изменится, то ее придется оставить.

Однако все складывается как нельзя лучше. В нужную точку они выходят на рассвете. Там их уже ждут партизаны. Далее передвигаются еще быстрее. Партизаны соорудили носилки, в которые уложили девочку. Уже на подходе к основной базе Граббе дал сигнал о высылке самолета.

С ним отправили все, что взяли в комендатуре, и раненую девочку. Коловратов только и смог узнать, что ее зовут Настя.

Отлежавшись на базе трое суток, они пошли в новый рейд. Но, то ли удача от них отвернулась, то ли немцы после нескольких нападений разгадали тактику таких операций. Рядом с комендатурой их ждала засада. А затем еще долго и организованно преследовали. Потеряв половину группы, они вернулись на партизанскую базу. Был легко ранен и Коловратов. Но что ему такое ранение, на нем этих шрамов, как на бродячей собаке блох. Одним меньше, одним больше.

* * *

Слава Богу, я – обитатель верхней полки. Это к тому, что моими соседями по купе оказались парень лет двадцати и две молодые мамы с трехлетним мальчишкой и девочкой пяти лет.

Мамы с детьми каждые два часа усаживались кушать. Точнее, мамы усаживали за стол детей. Но те, разумеется, ничего не ели. Около часа продолжались уговоры съесть ложечку за папу, маму и бабушку, затем «трапеза» заканчивалась и начинались игры. Обе мамы предусмотрительно везли с собой по мешку игрушек. Но и это было не самое примечательное. В вагоне ехал еще добрый десяток сверстников наших юных попутчиков, и они постоянно приходили в гости к нам с предложениями поиграть в машинки, в куклы или в паровозик.

Парень вскоре не выдержал прелестей пребывания в столь разновозрастной компании и попросился в другое купе. Я остался на своем месте, сказав себе, что человек должен адаптироваться к любым условиям, на то он и человек. Так прошел день, и только к вечеру, когда мои юные попутчики успокоились, я, наконец, смог спокойно обдумать ситуацию, в которую попал.

Год назад мне позвонил пограничник, который когда-то служил на границе по Амуру, но с распадом Советского Союза вернулся в Беларусь. Он попросил встречи, намекнув, что обладает уникальной информацией по спецоперациям «СМЕРШа» на территории Белоруссии.

В то время я пытался найти материалы и свидетелей деятельности партизанской группы Шаповала. На информацию о ней натолкнулся почти случайно. В книге «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» нашел несколько строк о том, что эта группа, в ее состав входили выходцы из России, оказавшиеся волей судьбы на белорусской земле, в апреле сорок четвертого пустила под откос вражеский эшелон, в котором было 3 вагона с живой силой и 14 вагонов техники. На счету бойцов Шаповала было много других боевых рейдов и диверсий. Но написать очерк об этих людях, как планировалось вначале, не получилось, ибо Шаповал после войны из Беларуси уехал, но в место призыва не вернулся...

С бывшим пограничником мы встретились в кафе «Узбекистан».

– Моя фамилия Терский, – сказал он, – я из кубанских казаков. Видел ваши фильмы «про шпионов» и готов дать еще одну «наводку». Как вы к этому отнесетесь?

– Думаю, положительно, – ответил я.

– Вы читали «Момент истины» Владимира Богомолова?

– Да.

– Так вот, в Амурской области в сорока километрах от пограничного поселка Поярково в деревне Канино живет прототип богомоловского Таманцева.

– А вам это откуда известно?

– Я служил там в пограничной комендатуре.

– А почему бы вам самому не взяться за это?

– Пробовал, – честно признался он, – но у меня ничего не получилось.

И он достал из папки с замком-молнией три рукописных листка.

– Вот фактура по Таманцеву-Коловратову.

К тому времени я действительно был автором сценариев пяти фильмов «шпионской» тематики. Опыт давал надежду, что удастся справиться и на этот раз, независимо от того, жив герой или его уже нет. Просмотрев оставленные тексты, я окончательно решил писать сценарий.

* * *

Но как добраться до Благовещенска? Это не Москва и не Питер, куда я ездил устанавливать контакты с родственниками моих героев и самими героями. Тут все намного сложнее, но никто ведь не отменил еще принцип барахтающейся в молоке лягушки. Той самой, которая долго молотила лапками по молоку, взбила масло и выбралась из кринки.

Начав «молотить лапками», я почти сразу вышел на одного из своих друзей, который порекомендовал обратиться в организацию под названием «Белазсервис»: ее представители часто ездили в Минск из под самого Улан-Удэ.

– Давай, давай, – сказал мне друг, – Улан-Удэ – это почти рядом с Благовещенском, я по карте посмотрел.

И я стал искать выходы на «Белазсервис».

Так бывало и раньше, когда писал предыдущие сценарии, а потом искал деньги на съемки фильмов. Все это похоже на попытку раскрутить огромное, старое колесо, к тому же надетое на ржавую ось. Сначала эти попытки не удаются, и у тебя возникает желание бросить все. Затем наступает момент, когда ты чувствуешь, что колесо стронулось с места и стало потихоньку крутиться.

Так вышло и на этот раз. Помочь мне взялся представитель «Белазсервиса», который работал в Восточной Сибири. Звали его Александр, а вот отчество он имел редкое – Оттович. Разгадка его появления у белорусского парня не таила в себе никакой интриги. Его дед, как истинный патриот своей Родины, назвал своего сына и будущего отца моего партнера в честь руководителя экспедиции на пароходе «Челюскин» – Отто Юльевича Шмидта.

Четко уловив суть предложения и цепко удерживая в своих руках ситуацию, Александр Оттович сразу же заявил, что представители его фирмы не ездят в Минск на машинах, потому что это неудобно и долго. Но помочь мне белорусские сибиряки могут, сделают это в рамках сотрудничества Беларуси и России.

– Если ваш журнал или какое-нибудь издательство напишет бумагу с просьбой помочь вам съездить в творческую командировку, чтобы осветить жизнь тех, кто каким-то образом был связан с Беларусью в годы войны – наша бухгалтерия не будет иметь претензий.

И вот я мчусь, хотя к поезду, который огибает Байкал, это мало относится, по просторам Сибири на встречу с очередным своим героем.

Коловратов

Коловратов нехотя открыл глаза. Что-то щекотало в носу. Увидел рядом Коровина, который травинкой осторожно касался его лица.

– Начальство тебя зовет, – сказал Коровин.

В госпитале Коловратов пробыл до июня сорок четвертого. Затем снова вернулся в часть. Все это время он пытался разыскать или хотя бы узнать что-либо о судьбе спасенной им девчонки. Но все было напрасно. Группой командовал новый командир, да и задачи у нее были иные.

Но в начале августа его разыскал Граббе, и он оказался в составе совсем уж крошечной группы из трех человек. Третьим был радист Коровин, долговязый белобрысый парень, начавший войну, наверное, не более года назад.

– Выспался? – спросил Граббе.

– Угу, – буркнул Коловратов.

– Пойдешь со мной, – сказал командир, – Леша нас подстрахует.

«Тоже мне, страховщик», – подумал Коловратов, но ничего не сказал.

Они пошли к опушке леса, где была назначена встреча.

Коловратов знал свою роль. Он, громила-телохранитель, всегда должен возвышаться за спиной Граббе. И таким образом играть окружение короля – грозное, неумолимое, беспощадное. Сам же король – аристократ, говорит тихо, но каждому его слову внимают при полном молчании.

Какой-то большой чин контрразведки, вручая Граббе медаль, назвал его полиглотом. Коловратов долго не мог запомнить это слово, пока не соотнес его со словом «проглот». Оказалось, что его командир «проглотил» в свое время несколько языков, в том числе и польский.

Вообще-то награды у закордонников – вещь редкая. Дают их за большие заслуги, чаще всего посмертно. С чем это связано, Коловратов до сих пор не может понять.

На встречу пришли двое. Без преувеличения – две их уменьшенные копии. Переговорщик – маленький, холеный, в сапогах, бриджах и некоем подобии френча. Второй едва угадывался за его спиной, но угрюмым и грозным видом старался показать свое назначение и роль. На нем была кепка, брезентовая куртка, в правой руке – «шмайсер», с каким-то шиком примотанный к предплечью кожаным ремнем. Все это должно было, видимо, свидетельствовать о том, что он и автомат – одно целое. Но Коловратов, хотя и не учился в вузах, знает, что если человек выпячивает что-то, значит, он что-то пытается спрятать. А что может прятать эта «уменьшенная копия» Коловратова, как не собственную неуверенность?

Граббе так быстро говорит по-польски, что Коловратов не понимает, о чем идет речь. Хотя, о чем бы она ни шла, все было просто и ясно, как божий день. Болтаясь по лесам и выдавая себя то за жовнеров Армии Крайовой, то за некую третью силу, которая возжелала бороться с Красной Армией и Советами, они не только выявляли подозрительные группы оставшихся в тылу немцев вооруженных людей и сообщали о них руководителям операции, но и устанавливали контакты с нарождающимся бандподпольем.

Эти прощупывания, намеки, разговоры вокруг да около, мог вести только Граббе. И у него никогда не было срывов. Его внутренняя аристократичность была неким знаком, который вызывал к нему доверие, помогал выглядеть своим среди чужих. Он не выглядел советским, а это первое условие не для успеха даже, а только начала переговоров.

В разговоре Коловратов часто слышит слова пан. Вот и сейчас:

– Цо пан хце?

Чего хочет пан Граббе, ему ясно. А что хочет пан Коловратов, никого не интересует. А он хочет выпастись хоть раз за всю неделю. Не мешало бы попариться в баньке, потом выпить чарку водки или, на худой конец, самогонки.

Думая об этом, Коловратов как-то выпал из своей роли. Наверное, этот птичий шипящий язык его усыпил. Шевеление в кустах он заметил с опозданием, и, не целясь, выстрелил. В это же мгновение что-то рвануло его за плечо, закрутило по спирали и невыносимой тяжестью прижало к земле.

* * *

В Улан-Удэ я выскочил на перрон, чтобы позвонить своему благодетелю, но телефона не нашел и вернулся обратно, едва успев на поезд, который уже набирал ход. Запрыгнул в предпоследний вагон и долго пробирался к себе, поскольку переходы между вагонами были перекрыты, и я ждал, пока их откроют проводники.

Мое купе было пустым, что весьма удивило. Куда же делись попутчики? Но вскоре все разъяснилось. В коридоре раздались обеспокоенные голоса, и в купе заглянула проводница. Она взглянула на меня, что-то пробормотала и исчезла из дверного проема, в котором тут же появились мамы и их дети. Ребятишки закричали: «Ур-ра!..» А мамы объяснили, в чем дело.

Оказывается, когда поезд тронулся, а я не появился в вагоне, ребяташки испугались и расплакались. Мамы поспешили сообщить о «пропаже» проводнице, которая тут же пришла «снимать» мои вещи.

На какое-то время я стал объектом внимания всего вагона, поскольку ребяташки рассказали о том, что я чуть было не отстал и юным, и взрослым пассажиром. Через каждые полчаса они спрашивали своих мам:

- А дядя не будет болсе выходить?
- Спросите сами у дяди, – отвечали им мамы.
- Ты болсе не будешь выходить? – спрашивали меня ребяташки по очереди.
- Нет, – отвечал я так, как и подобает взрослому и терпеливому человеку, – больше не буду...

Коловратов

Собственно, чему было удивляться. Если их подстраховывал Коровин, то и «контакты» должны были позаботиться о своей безопасности.

Коловратов застрелил страховщика переговорщиков, а Коровин, поскольку держал на мушке тех, с кем они разговаривали, положил их, но зацепил и Коловратова. Кто стрелял и попал в Граббе, было непонятно. Словно кто-то специально держал его на мушке и точно выполнил поставленную задачу.

Осень сорок четвертого Коловратов встретил в 145 военном госпитале в Подольске. Госпиталь бы от НКВД. Размещался в здании бывшей гимназии. И хотя до фронта было рукой подать, город бомбили редко, поэтому спускаться в подвал – бомбоубежище – почти не приходилось.

Первое ранение Коловратов получил в Севастополе. Откуда был эвакуирован в Сталинград. Однако долечиться окончательно не удалось. Начались бои за город, и он вместе с другими «недолеченными» ушел воевать в десантно-штурмовые группы, которые действовали на танках.

- Коловратов, к начальнику госпиталя, – сказала сестра, заглянув в палату.

Коловратов накинул халат и отправился на второй этаж. Интуиция подсказывала, что не начальник госпиталя его ждет. Только и дела начальнику до таких, как он.

В предчувствиях не обманулся.

В кабинете начальника его ждал капитан в общевойсковой форме.

- Следователь Попатенко, – представился он.

Коловратов ничего не ответил, присел на краешек стула, чуть ссутулившись.

Попатенко по своему оценил эту позу, усмехнулся, достал из портфеля лист бумаги, ручку и спросил:

- Что вы можете показать по делу о гибели группы Граббе?
- Да я уже все рассказал в полевом госпитале, – ответил Коловратов.
- Я ознакомился с вашими показаниями, – сказал следователь, – они меня не устроили. Коловратов пожал плечами, насколько позволяло раненое плечо.
- Вам не кажется, – начал следователь, – что такого рода провал не мог быть не связан с предательством?
- Предательством?
- Да, предательством одного из членов группы.
- Вы отбывали срок до войны? – спросил следователь.
- Да, – ответил Коловратов.
- Почему это не отмечено в вашем деле?
- Я не знал, что такое дело есть.

– За что вы отбывали срок? Только не говорите, что за хулиганство...
– Именно за него, – сказал Коловратов.
– Пусть будет так, – согласился следователь, – и в чем же оно заключалось?
– Долго рассказывать, – недружелюбно ответил Коловратов.
– А я никуда не тороплюсь, – заметил Попатенко, – готов внимательно и терпеливо слушать...

– Подрался с командированными...

– Где?

– В Сталинске... – сказал Коловратов, вспоминая события почти пятилетней давности.

Он, хотя и работал тогда на строительстве Кузнецкого металлургического, все-таки считался местным, так как родился и вырос в Сталинске, а всех остальных называл командированными. Стычки между молодыми людьми были не так уж редки, но на них никто не обращал внимания. Подумаешь, парни подрались. Но, видимо, в тот раз начальство решило навсегда избавиться от «позорного явления прошлого» и устроило показательный процесс, под который и суждено было попасть Коловратову. Впрочем, ему всегда не везло: дерутся все, а замечают почему-то только его. Наверное, из-за его устрашающего вида и неумения потом, после драки, поплакаться в жилетку и покаяться.

* * *

Прояснить ситуацию я хотел еще в Беларуси. Больно уж много нестыковок выходило с этим Коловратовым. То он служит в «СМЕРШе», а потом куда-то исчезает. То объявляется на Дальнем Востоке и участвует в войне с Японией, но за какие-то действия, граничащие с нарушением закона, был разжалован и уволен из Вооруженных сил.

Впрочем, с теми, кто когда-то служил в разведке, контрразведке и спецподразделениях, всякое могло случиться. И Коловратов мог объявляться то там, то тут вовсе не по своей воле, а по прихоти приказа. Такие мысли роились в моей голове, пока поезд пробегал последний участок пути от Белогорска до конечного пункта – Благовещенска.

Разумеется, я не поехал за тридевять земель, не созвонившись с коллегами из Поярково. Однако в Поярково отделение УФСБ возглавлял новый человек, который слышал что-то о старике, но новой информации к той, что я имел, добавить не мог. Да, собственно, зачем ему мне помогать? У него другие задачи и проблемы.

От Белогорска поезд шел с опозданием, и в Благовещенск прибыли затемно. Я уже планировал было искать пристанище на вокзале, чтобы утром отправиться автобусом в Поярково, когда высокий молодой парень, стоящий на перроне, вдруг обратился ко мне по имени отчеству.

Оказалось, это водитель начальника Поярковского отделения УФСБ. Через минуту появился и сам начальник – молодой человек лет тридцати с небольшим.

Мы сели на привокзальной площади в машину, и поехали в Поярково. По дороге я выяснил, что Коловратов в районе не значится. По непроверенным данным, родственники поместили его в дом престарелых в Белогорске. Но в Поярково живет человек, который хорошо знал Коловратова, поскольку когда-то служил на заставе, рядом с которой находилась деревенька Коловратова. К герою-ветерану ему неоднократно доводилось возить корреспондентов.

Мы ехали в темноте и довольно быстро, но в Поярковскую гостиницу добрались только к часу ночи. Водитель называл начальника Петровичем, не стал ломать традицию и я.

– Спасибо, Петрович, – сказал ему на прощание, – как завтра?

– Водитель придет за вами в девять, – пообещал Петрович и откланялся.

Я разобрал постель, улегся и посмотрел на часы, пытаясь фосфорными стрелками загипнотизировать себя. Эти стрелки показывали второй час ночи по амурскому времени. Но внут-

рение часы не обмануть. Ведь в Минске было только шесть вечера. Промучившись в постели с полчаса, я встал, умылся, достал из сумки несколько листов бумаги и стал сочинять план завтрашних действий.

Коловратов

Срок Коловратов отбывал, работая на той же стройке, только уже за колючей проволокой.

– У вас, – подчеркнуто вежливо, что обычно не предвещало ничего хорошего, сказал следователь, – странный послужной список. Вы вдруг возникли в Севастополе в морях, потом неожиданно оказались среди танкистов...

Что мог ответить ему Коловратов? Он и сам не понимал зигзагов судьбы. С началом войны попросился на фронт. Его направили сначала в штрафную роту, но на разборке, у кого были небольшие сроки, и кто не имел 58-й статьи, отправляли на фронт обычным порядком. И громила Коловратов понравился какому-то «покупателю» в морской форме. Так он оказался в Севастополе. Его ремесленное образование пригодились, зачислили на тральщик помощником моториста.

– В Севастополе я оказался по мобилизации, – сказал Коловратов. – А после ранения отправили в госпиталь, в Сталинград. Тогда никто и не думал, что немцы начнут наступление на город.

– И вы оказались в рядах танкистов?

– Нет, с моими габаритами в танке не поместиться, я был в танковом десанте.

– А кто вас рекомендовал в «СМЕРШ»? – спросил следователь.

– Меня отобрали его представители, – ответил Коловратов.

– Странно все это, – заметил Попатенко, – с вашей биографией нельзя попасть в «СМЕРШ», а вы в него попали.

– На фронте биографиями не интересуются...

– Интересуются, еще как интересуются, – не согласился с Коловратовым следователь. – Вот я, например, выяснил, что в Сталинграде при странных обстоятельствах погиб командир вашей роты.

– Там все погибали при таких обстоятельствах, – сказал Коловратов.

– Да, – подался к нему Попатенко, – но перед этим им не угрожали подчиненные...

– Я ему не угрожал...

– То и подозрительно, вы действительно ему не угрожали, но за тем, кто угрожал, стояли вы... Старый зековский прием, сделать что-либо чужими руками. А теперь скажите, почему вы умолчали о судимости и пребывании в лагере во время беседы в Сталинграде с представителями «СМЕРШа»?

– Меня об этом не спрашивали, да и беседы никакой не было. Меня нашел Граббе и взял к себе в охрану.

– Есть еще более странные обстоятельства. Человек, который привез вас в Севастополь, погиб. Ваш командир роты в Сталинграде – погиб. Граббе, после того, как взял вас к себе, тоже погиб. Как вы можете это объяснить?

– Никак, – коротко и зло ответил Коловратов.

– Правильно, – почти дружелюбно согласился Попатенко. – Однако вам придется ответить еще на один вопрос. Куда вы исчезли на двадцать четыре часа перед последней операцией в прифронтовой полосе?

– ...

– Но отвечать на этот вопрос вам придется уже в другом месте.

Попатенко встал, и тут, словно этого ждали невидимые соглядатаи, открылась дверь и вошли двое солдат с автоматами.

Попатенко поморщился:

– К чему этот театр. Мы с раненым выйдем во двор, пройдем к выходу, а вы уж потом с автоматами...

В госпитале был тихий час, и Коловратов с Попатенко подошли к машине с будкой никем не замеченными.

Пока один из конвойных бегал за его обмундированием, а затем относил халат, он сидел с Попатенко в будке. Потом следователь выпрыгнул наружу, а вместо него забрались солдаты с автоматами.

– Проваторов, – раздался голос Попатенко.

– Я, тащ капитан, – отозвался один из конвойных.

– Будешь за старшего.

– Есть.

Коловратов присмотрелся к своим конвоирам. Бритва еще не касалась их лиц.

– Давно на службе? – спросил он.

– Разговор-рчики, – прорычал Проваторов.

«И то верно», – подумал задержанный.

Между тем Коловратовым, который тянул срок с тридцать девятого по сорок первый, и нынешним, впитавшим опыт спецопераций в тылу и вне тыла врага, была огромная дистанция. Когда машину начало качать, в голову пришла интересная мысль: «Если при очередном качке придать телу дополнительное ускорение и перелететь на противоположную лавку, где сидел второй конвоир. Чуть придержать его автомат и ударить ногой Проваторова, а затем задавить второго конвойного?» И это должно получиться, поскольку начало его движения ни у кого из конвоиров не вызовет подозрения.

«Я тебе покажу, разговор-рчики», – подумал он с некоторым злорадством, и стал ждать следующей кочки или впадины на дороге.

* * *

Кто-то стучался ко мне. Я глянул на часы – половина девятого. Петрович обещал появиться в девять.

– Да-да, – отозвался я, чтобы они не подумали, что номер пуст, – сейчас открою.

Конечно же, я уснул только под утро, и спал не более двух с половиной часов.

Я открыл дверь. Передо мной стоял свежий, выбритый и пахнущий одеколоном Петрович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.